

Л. Д. ЯБЛОЧКОВ

ЦЕНТРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ РОДЕЗИИ И НЬЯСАЛЕНДА

Изучение процессов этнической консолидации коренного населения Британской Центральной Африки представляет особый научный интерес в связи с тем, что в этом районе сейчас происходит процесс слияния племен в народности. У сложившихся наций Европы и Азии эти процессы завершились уже давно, и исторические памятники не дают полного представления о путях перехода этих народов от племенной раздробленности к более широкой общности на территориальной основе. Если же исходить из того, что в процессах национальной консолидации существуют общие закономерности, тогда материалы об африканцах Северной Родезии и Ньясаленда (с поправками на сложившиеся при колониальном режиме особые условия — такие, как границы колониального раздела, политика колониальной администрации и нивелирующая роль капиталистической экономики европейцев) могут помочь восполнить пробелы в наших представлениях о путях образования национальных общностей на ранних этапах.

На основании сравнительного изучения исторических, этнографических и лингвистических работ можно сделать прежде всего следующее заключение: оказалось неверным распространенное среди западноевропейских ученых мнение, что коренное африканское население Северной Родезии и Ньясаленда представляет собой неизменную на протяжении веков арифметическую сумму разрозненных племен. Официальные источники указывают на наличие в пределах этих колоний до ста племен, умалчивая при этом, что все народы Северной Родезии и Ньясаленда относятся к одной языковой семье народов банту. Их языки имеют одинаковый грамматический строй и единый в своей основе словарный фонд. Близость языков создает возможность для постоянного общения. Непосредственные соседи, как правило, свободно понимают друг друга. Английский этнограф Уинтерботтом, работающий в Северной Родезии, пишет: «Вполне возможно найти протянувшуюся через всю страну цепь диалектов, из которых каждый понятен соседям»¹. Буржуазные лингвисты нередко изучают языки изолированно, в отрыве от конкретной исторической обстановки, в которой живут народы; зачастую они не видят закономерностей развития языков, не замечают, как в результате длительного общения одни языки одерживают верх, а другие превращаются в областные диалекты и затем исчезают совсем. К тому же на выводах некоторых исследователей сказываются политические тенденции: стремление законсервировать племенное деление, сохранить дробность родственных племен, помешать их консолидации в мощные национальные группы. Поэтому многое в классификации языков банту остается неясным и спорным.

Анализ межплеменных отношений в их историческом развитии позволяет установить в Северной Родезии и Ньясаленде наличие вполне опреде-

¹ J. M. Winterbottom, Some Problems of the Use of African Vernaculars, «Human Problems in British Central Africa», VII, стр. 69.

лившихся узлов этнической консолидации. Коренное население упомянутых стран сейчас почти без остатка делится на четыре крупные консолидирующиеся группы, ядром которых является либо племя, либо народность, превратившиеся в экономические, культурные и политические центры притяжения.

Говоря о четырех центрах консолидации в Северной Родезии и Ньясенде, мы имеем в виду лишь нынешний этап национального развития народов Центральной Африки. Век назад их не было, и вполне возможно, что через некоторое время та или иная этническая общность, не успев сложиться окончательно, будет поглощена другой, более широкой этнической общностью.

1

Первый центр консолидации сложился на западе Северной Родезии, где ведущим народом являются лози, известные в начале прошлого века под названием луйи. Как полагают, они переселились в верховья реки Замбези с севера в XVII или в начале XVIII в. Заняв плодородные земли поймы Замбези между 14° и 16° южной широты, лози начали покорять одно за другим окрестные племена, пока не захватили обширную территорию вплоть до водопадов на юге и до о. Луканга на востоке. К середине прошлого века около 25 различных племен стали их данниками. Начался активный процесс ассимиляции.

По сравнению с окружающими племенами, лози стояли на более высоком уровне общественного развития. Разложение первобытно-общинного строя у них, по-видимому, началось задолго до переселения на Замбези. Возможно, лози, пришельцы с севера, были каким-то образом связаны со средневековыми государствами Конго. Во всяком случае, они пришли в район нынешней Северной Родезии с уже развитым аппаратом власти, опиравшимся на сильные дружины воинов, со сложившейся аристократической верхушкой, во главе которой стоял самодержавный наследственный князь — мулена.

Отрывочные сведения об обществе лози, собранные путешественниками и миссионерами, не дают возможности точно установить, какой именно социальный уклад был у них господствующим: рабовладельческий или феодальный, какая форма эксплуатации была преобладающей. Однако несомненно, что лози еще в первой половине XIX в. сложились в народность, что их общество было классовым. Чтобы определить классовую основу государства лози, требуется специальное исследование, для которого материалов еще недостаточно. Нам же в данном случае важно подчеркнуть лишь тот факт, что правящая верхушка лози создала аппарат контроля над подвластными племенами, систему наместников и сборщиков дани; что дань с покоренных племен и трофеи военных набегов, наряду с доходами от эксплуатации общинников в виде отработок и оброка, а также доходами от эксплуатации рабов-военнопленных, стали важными источниками обогащения знати.

Французский миссионер Койлар, бывший свидетелем передачи дани мулене в 1887 г., писал: «Со всех направлений движутся длинные вереницы людей, нагруженных товарами... это дань князю: мед, шкуры, дикорастущие плоды, рыболовные снасти, цыновки и т. д. — продукты земледелия, охоты и ремесла». Французский путешественник Бертран, посетивший лози в 1895 г., отмечал: «Некоторые племена обязаны ежегодно посылать князю подать определенных размеров, включая лодки, строительный лес, скот, зерно, молоко, лесной мед, рыбу, дичь, шкуры, железные наконечники копий и т. д.»².

² Цит. по M. Gluckman, *Economy of the Central Barotse Plain*, Livingstone, 1941, стр. 92, 99.

В обществе лози XIX в. весьма значительного развития достигла меновая торговля. На заливных лугах в пойме Замбези нет ни леса, ни выходов руды. Большую часть орудий труда и предметов домашнего обихода, а также некоторые съестные припасы лози приобретали у соседей, живших в лесистых саваннах поодаль от Замбези. За скот, овощи, кукурузу, рыбу лози получали мотыги — у кузнецов квангва; корзины, сети и веревки из лыка, долбленные лодки — у лунда; деревянную посуду, мед, просо — у нкоя и т. д. Ливингстон, посетивший верховья Замбези в середине XIX в., обнаружил, что лози установили регулярные торговые связи не только с непосредственными соседями, но и с дальним западом через торговцев мамбари, а также с арабами Занзибара и португальцами.

Охват многих подчиненных племен общественно-политической системой лози, вовлечение этих племен в широкий товарообмен привели к тому, что в состав народности лози по мере ассимиляции одно за другим вливались племена ндундулу, квангва, макома, ньенго и т. д.

Усвоение языка ведущего народа осложнилось тем обстоятельством, что лози в 1838 г. сами подверглись завоеванию со стороны небольшого воинственного племени макололо (из группы басуто) и за четверть века их господства восприняли язык сикололо. В 1864 г. укрывавшиеся на севере вожди лози, воспользовавшись ослаблением макололо, вновь захватили власть.

Трудно сказать, почему язык завоевателей за столь короткий срок вытеснил старый язык лози. Во всяком случае, это стало возможно благодаря общей близости языков банту. Определенную роль, очевидно, сыграла политика правителей макололо, бравших к себе на службу юношей из всех окрестных племен. Нужно отметить и то обстоятельство, что реставрация старой знати лози сопровождалась истреблением только мужчин макололо; их женщины остались, и они передавали свой язык детям.

Таким образом, со второй половины XIX в. этническая общность, в центре которой стояла народность лози, складывается уже на новой языковой основе. Вплоть до настоящего времени часть населения нынешнего Баротселенда знает два языка, но сикололо явно вытесняет другие. Только на сикололо, помимо лози, говорят квангва и мбове; в основном на этом же языке говорят ньенго, ндундулу и макома. Племенные названия указанных племен, вошедших в состав народности лози, сохраняются, по существу, только как показатель происхождения. Иное положение с племенем шаньо, которое также находится под сильным влиянием лози и по всем этническим показателям относится к этой группе. В быту шаньо сохраняют свой язык, близкий к группе тонга (к которой, кстати говоря, был близок и старый язык луйи), хотя широко пользуются сикололо в общении с соседними племенами.

То же самое можно сказать и о симаа и маши, которые также восприняли сикололо как язык общения, но пока сохраняют свои языки, родственные языкам Анголы.

Ускорению процесса этнической консолидации способствует то обстоятельство, что английская администрация признала верховенство мулены над всем населением Баротселенда, включая родственные и неродственные лози племена. Введение сикололо в качестве единого языка школьного обучения в Баротселенде, появление печатных изданий на сикололо, радиопередачи из Лусаки на этом языке — все это закрепляет влияние лози.

В настоящее время к группе лози относятся ³:

³ Сведения о составе групп приводятся нами по единственной оценке численности племен, сделанной в 1934 г. М. Томпсоном. См. Hailey, *Native Administration in the British African Territories*, part II, London, 1950, стр. 87—88.

Племена	Численность в 1934 г.	Племена	Численность в 1934 г.
лози	67193	макома	7605
квангва	25497	мбове	5336
индундулу	21962	маши	4500
симаа	9109	ньенго	4457
шаньо	7910	луйи	?

С 1934 г. группа количественно возросла с 160 до 230 тыс. человек. Единство группы увеличивается с каждым десятилетием. Народность лози принимает все более четкие очертания.

2

Второй центр этнической консолидации сложился в северо-восточной части Северной Родезии, где на роль ведущего племени выдвинулись бемба.

Бемба, которые, как полагают, являются ветвью народа луба, обитающего на юге Бельгийского Конго, переселились на северо-восток нынешней Северной Родезии в первой половине XVII в. Бемба оттеснили племена лунгу на север, биса и лала — на юго-запад, ачева — на восток, заняв огромную территорию от р. Луалабы до р. Луангвы и подчинив себе многие местные племена. Наивысшего могущества племя бемба достигло в конце XVIII в. при вожде Читимукулу (Большое Дерево); его имя наследуется верховными вождями бемба до настоящего времени. Влияние бемба укрепилось с появлением у них огнестрельного оружия, которое они приобрели у арабов. В результате военных успехов у бемба развилось чувство превосходства над соседними народами. До сих пор они с гордостью говорят «фве-бабемба» — «мы бемба», а всех соседей называют «башия» — «рабы».

Однако бемба превосходили покоренные племена только по численности и по военной организации. В культурно-хозяйственном отношении они ничуть не выделялись среди общей массы населения Танганьикского плато. Основой хозяйства всех племен там было подсечно-огневое земледелие, так называемая система *читемене*. В силу неблагоприятных природных условий бемба, как и их соседи, были лишены возможности накапливать богатства в тех же темпах, как, например, лози. У последних скот являлся мерилем зажиточности семей, и они из поколения в поколение увеличивали свои стада. В стране бемба скот гибнет от укусов мухи цеце, долговременное хранение запасов зерна в тропическом лесу практически невозможно. Хозяйство бемба было малопродуктивно, хотя они вкладывали в него много сил. Таким образом, географическая среда явно замедлила ход общественного развития у бемба.

До середины XIX в. бемба и их соседи жили еще в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя, и у них сохранялись сильные пережитки матриархата. Но к концу XIX в. уже нельзя было безоговорочно утверждать, что племя бемба однородно в имущественном отношении и далеко от деления на общественные классы. Прежде всего совершенно очевидно выделение правящей верхушки — рода Крокодила, состоявшего из многочисленных родственников вождя. Члены всех других родов занимали подчиненное положение. В обществе бемба привилегированное положение занимали непосредственные наследники верховного вождя — его братья и племянники (со стороны сестры), носившие особое звание *мфуму*, т. е. знать⁴. Доходы родовой знати бемба складывались из побо-

⁴ Одри Ричардс в своей статье об общественно-политическом строе бемба привела характерное высказывание, свидетельствующее о том, что рядовые общинники видят в правящем семействе своих угнетателей: бемба говорят, пишет Ричардс, что род

ров с общинников, эксплуатации рабов-военнопленных и дани с покоренных племен. Дополнительным источником богатств была монополизированная вождями торговля с арабами слоновой костью и рабами.

Покоренные бемба племена сохраняли свою собственную организационную структуру и своих вождей. Читимукулу — вождь бемба только время от времени посылал к ним своих родственников и приближенных за данью (эта система напоминает полюдь у восточных славян). Подобная система слабого политического контроля могла бы и не привести к ассимиляции, если бы племена, оказавшиеся в сфере влияния бемба, не были так близки им по языку и культуре. Для родственных племен было достаточно существования военно-политического центра, чтобы они были вовлечены в начавшийся в прошлом веке процесс формирования народности бемба.

После установления власти англичан господство бемба было утрачено и их влияние упало. Однако в колониальный период сложились новые обстоятельства, способствующие закреплению за бемба роли консолидирующего центра. На территории расселения племен группы бемба в конце 20-х — начале 30-х гг. была создана меднодобывающая промышленность. Известно, что медь в Северной Родезии добывается в основном руками африканцев-отходников. Особенно велик процент отходников у бемба, что, по-видимому, объясняется общей скудостью ресурсов их страны. Фактически единственным источником средств для уплаты налогов и покупки необходимых товаров является для них отхожий промысел. В 1953 г. африканцы, работавшие в «медном поясе», делились по районам происхождения следующим образом (в процентах) ⁵.

Северная провинция	26,0
Западная провинция	24,9
Центральная провинция	17,2
Восточная провинция	13,6
Баротселенд	0,9
Южная провинция	0,5
Соседние страны	16,9

Зная, что Северная провинция, почти вся Западная провинция и половина Центральной провинции населены племенами группы бемба, нетрудно сделать вывод, что больше половины городских жителей «медного пояса» происходят из указанных племен. Это вполне согласуется с сообщением Уинтерботтома о том, что самым распространенным языком в городах «медного пояса» является язык бемба — чибемба. Соперничает с ним лишь язык чиньяджа, о котором речь будет идти ниже. Чибемба отчасти стал языком общения между служащими-европейцами и африканцами на шахтах, а также между колониальными чиновниками и населением всей северо-восточной части страны. В этой области чибемба является языком просвещения, печатных изданий и радиопередач.

Численность африканского городского населения «медного пояса» сейчас достигает четверти миллиона человек. Установлено, что 40% являются постоянными городскими жителями, а остальные — отходники, возвращающиеся в деревню по окончании контракта. Отходники родственных и даже неродственных бемба племен стараются усвоить язык основной массы рабочих. Промышленные города являются очагами распространения языка, а также и некоторых элементов культуры бемба. В среде африканцев, общающихся между собой главным образом на языке чибемба, в результате совместной жизни в пригородных поселках — локациях, в совместном труде на хозяев-европейцев и совместной борьбе за свои права вырабатывается сознание национального единства.

вождя назван родом Крокодила потому, что «они, как крокодилы, вцепились в простых людей и терзают их своими зубами». (см. сборник M. Fortes and E. Evans-Pritchard (ed.), *African Political Systems*, London, 1941, стр. 83).

⁵ C. Mitchell, *African Urbanization in Udola and Luanshya*, Lusaka, 1954, стр. 19.

В результате колониального раздела часть африканцев концентрирующейся вокруг бемба группы оказалась в Бельгийском Конго. Основная же масса племен этой группы обитает на территории Северной Родезии. К ним относятся:

Племена	Численность на 1934 г.	Племена	Численность на 1934 г.
бемба	114274	кавенди	9189
биса	41591	амбо	9092
лала	41432	лима	9013
каонде	37952	табва	7918
уши	28958	шила	5536
нгумбу	24116	сева	?
чишинга	22604	луунда	?
ламба	22309	бвиле	?
унга	13670	сенга	?
свака	12496	луано	?
мукулу	10522	тва	?

В целом эта группа в 1934 г. составляла около 450 тыс. человек; сейчас ее численность достигает примерно 600 тыс., причем собственно бемба насчитывают более 150 тыс. человек. Макдугалд⁶ полагает, что говорящих на чибемба около 500 тыс. человек. При всей приближенности его расчетов данное указание может послужить свидетельством распространения языка ведущего племени внутри группы. Языки племен уши, нгумбу, чишинга, мукулу, кавенди, бвиле, тва, унга, табва являются сейчас всего лишь диалектами чибемба. Весьма близок к чибемба и язык племени биса (частью биса является племя сенга, подвергшееся влиянию восточных соседей — тумбука). Языки племен лала (с говором луано) и ламба (с говорами лима, сева и свака) составляют особую подгруппу. Особняком в этой группе стоит язык каонде.

3

Третий центр консолидации коренного населения Центральной Африки находится в Ньясаленде, где центром притяжения стали ньянджа. Коротко остановимся на этническом составе населения Ньясаленда.

Основными этническими группами в Ньясаленде являются малави, яломве и ангони. Самую значительную группу составляют малави, предки которых поселились в районе р. Ширé в период до 1500 г. Название «малави» условно, — ранние путешественники обозначали этим термином совокупность родственных племен, расселившихся вокруг о. Ньяса, которое в прежние времена окрестное население называло Малави, что в переводе означает «пламя». Народы этой группы живут не только в Ньясаленде, но и в Мозамбике и в Северной Родезии — область их расселения простирается от о. Ширва до р. Луангвы и от северо-западных берегов о. Ньяса до устья Замбези. Они очень близки между собой по языку, по материальной и духовной культуре; когда-то они входили в мощное межплеменное объединение.

Крупнейшими народами группы малави являются ньянджа, ачева и тумбука. Ачева мало чем отличаются от ньянджа; язык чичева — говор литературного языка чиньянджа. В происходящем сейчас в Ньясаленде процессе сближения племен и народов ньянджа и ачева выступают как единая по существу этно-лингвистическая общность. Другое дело — тумбука, которые живут на севере страны изолированно от ньянджа и ачева. Хотя их язык можно считать диалектом чиньянджа, в культуре и обычаях у них есть свои особенности.

⁶ D. McDougald, The Languages and Press of Africa, Philadelphia, 1944, стр. 11.

Многие современные исследователи называют всех малави по имени ведущего народа — ньянджа. Собственно ньянджа вместе с близко родственными им манганджа и ньяса до второй половины XIX в., т. е. до переселения ангони и яо, занимали обширную область к юго-востоку от о. Ньяса. Ньянджа — народ трудолюбивых земледельцев, достигших высокого уровня агротехники. Они выращивали кукурузу, просо, рис, сорго, маниоку, бобы, ямс, сладкий картофель, земляные орехи, тыквы, а также кунжут, коноплю, хлопок и табак. Такого разнообразия культур не было ни у одного из соседних народов. В отличие от соседей, ньянджа не засеивали сплошь все поле, а сажали зерно в гряды. На сырых участках по берегам рек и озер кукурузу засеивали в ямах, засыпанных наполовину песком. Используя таким образом подпочвенную влагу, можно было выращивать хороший урожай в сухое время года.

Значительного развития достигла у ньянджа домашняя промышленность. Ньянджа славилась искусством выплавки железа, они выковывали мотыги, топоры, наконечники копий и стрел, иголки и украшения. Ливингстон писал: «В каждой деревне есть своя плавильня, свои угольщики и кузнецы»⁷. Началось выделение ремесленников-специалистов, работавших по заказам или на продажу. Другой важной отраслью домашней промышленности было прядение и изготовление тканей из хлопка. Хлопководство и ткачество выделяют ньянджа среди других народов Центральной Африки.

Ньянджа поддерживали торговые отношения с окрестными племенами, выменивая у них соль, скот, различные виды продовольствия на железные изделия, веревки, ткани и табак. Ньянджа активно торговали с арабами слоновой костью и малахитом, получая от них украшения, ножи, дорогие ткани.

В начале второй половины прошлого века в район расселения ньянджа вторглись пришельцы с юга — ангони и восточные соседи — яо. Как те, так и другие заметно отставали от ньянджа по уровню развития культуры; как те, так и другие, одержав военную победу, потерпели поражение в культурном соперничестве. Что касается яо, то они, переселившись на территорию нынешнего Ньясаленда и в значительной мере перемешавшись с ньянджа, несомненно, заимствовали у них ряд обычаев и некоторые методы ведения хозяйства. Но ввиду того, что и до переселения яо в элементах культуры ньянджа и яо было много общего, влияние первых проследить очень трудно. Во всяком случае очевидно, что у переселившихся яо гораздо меньшую роль в хозяйстве стала играть охота. У них появился мелкий рогатый скот, тогда как раньше животноводства яо фактически не знали, возможно потому, что верховья р. Луженды, откуда они происходят, сильно поражены мухой цеце.

В методах земледелия яо и ньянджа сейчас почти нет различия: та же подсеčno-огневая система с подбором почв, те же гряды, удобренные золой, та же смена участков через пять-шесть лет, то же чередование культур на посевных площадях. Но нельзя сказать определенно, что яо заимствовали и что принесли с собой.

Гораздо показательней преобразования культуры ангони. Известно, что ангони — это одно из южноафриканских племен нгуни, ушедшее на север, не желая подчиняться диктату зулусского вождя Чаки. После длительных странствий в 1850—1860-х гг. ангони осели несколькими группами близ берегов о. Ньяса, подчинив себе местное население ньянджа, ачева, тумбука.

По традиции ангони — скотоводы, и это определяло многие черты их образа жизни и общественного устройства. Выбирая место для поселения, ангони прежде всего заботились о пастбищах и затем уже о полях для

⁷ Д. Ливингстон, Ч. Ливингстон, Путешествие по Замбези, М., 1948, стр. 90.

посевов. Во время походов запасы продовольствия и различное имущество добывались в грабительских набегах. Когда же ангони поселились по соседству с ньянджа и родственными им племенами, они вскоре освоили грядковое земледелие, заимствовали у них многие виды культурных растений. Первое время железные изделия ангони приобретали у соседей. К концу XIX в. почти совсем исчезли старые жилища ангони — типичные для нгуни куполообразные строения; их сменили круглые в плане хижинки с конической крышей, широко распространенные во всей Центральной Африке. Постепенно исчезли и характерные для Южной Африки селения круглого плана — краали.

Переимывая элементы хозяйства у местного населения, ангони перенимали и его язык, а это в свою очередь позволяло им приобщиться к духовной культуре малави. Распространению языка чиньянджа и диалектов его, а также обычаев и элементов культуры способствовал и тот факт, что ангони зачастую брали себе жен из окрестных деревень. Так как ангони были немногочисленны, разрознены и более отстали в культурном отношении, их военно-политическое господство не сделало их ассимилирующим племенем; наоборот, они сами начали растворяться в неродственной им среде. По мере того как в результате захвата территории англичанами ангони утрачивали свое исключительное положение завоевателей процесс перемешивания с соседними народами усиливался. Хейли, например, пишет об ангони: «... они быстро ассимилировались с местными жителями ньянджа, тумбука и другими. Их язык растворился в языке народов, на земли которых они вторглись»⁸. К настоящему времени все ангони без исключения говорят на чиньянджа и его диалектах.

О процессе ассимиляции ангони красноречиво свидетельствуют цифры их численности по годам. По переписи 1921 г. в Ньясаленде было 245,8 тыс. ангони, в 1926 г. — 247,3 тыс., т. е. на полторы тысячи больше, в основном за счет естественного прироста. Но в 1931 г. их стало лишь 216,8 тыс. — это сокращение нельзя объяснить превышением смертности над рождаемостью, ибо население округов Ньясаленда, где проживают ангони, заметно возросло. В 1945 г. численность ангони снизилась до 193,5 тыс. Процесс ассимиляции налицо. Надо сказать, что в южных районах, где живут ньянджа, этот процесс идет гораздо интенсивней, чем в северных. Ангони Момбера, живущие в Северной провинции, с 1931 по 1945 г. увеличили свой состав с 25 до 45 тыс. человек, отчасти за счет соседей тумбука. В Центральной же и Южной провинциях число ангони упало с 1931 по 1945 г. на 43,6 тыс.⁹. Вероятно, не пройдет и четверти века, как имя ангони исчезнет с этнографических карт. Что касается ньясалендских яо, то сейчас трудно еще предугадать направление их национального развития. С полной определенностью можно говорить лишь о наличии процесса их сближения с народностью ньянджа.

В наши дни ньянджа выделяются среди прочего африканского населения Ньясаленда тем, что у них более всего развито товарное хозяйство. Южные районы Ньясаленда, где живут ньянджа, дают подавляющую часть африканской товарной продукции. Производство табака и хлопка на экспорт явилось мощным стимулом для развития капиталистических отношений в африканской деревне именно на юге страны. В южных округах богатые хозяева обзаводятся тягловым скотом, плугами, широко применяют наемный труд — в батраки нанимают в основном ломве, переселенцев из Мозамбика.

Поскольку верным показателем ассимиляции является распространение языка, интересно подсчитать количество населения, говорящего на чиньянджа и близких диалектах. К группе малави в Ньясаленде в 1945 г. относилось 1126,4 тыс. человек из 2 млн. человек, то есть 55% африкан-

⁸ Hailey, Указ. соч., стр. 23.

⁹ См. M. Tew, Peoples of the Lake Nyasa Region, London, 1950, стр. 93.

ского населения. Если же к ним прибавить ангони, говорящих теперь на языках группы малави, окажется, что в 1945 г. в Ньясаленде 1320 тыс. человек, т. е. почти 65% местных жителей знали или хорошо понимали язык чиньянджа. Кроме того, немало других африканцев знают чиньянджа, ибо он объявлен в протекторате вторым, наряду с английским, государственным языком: на нем ведется делопроизводство, обучение в школе и т. д. Факт становления единого языка подтверждается вычислениями Г. Аткинса, специально занимавшегося проблемой распространения чиньянджа. Он приводит следующие цифры ¹⁰ (в тыс. чел.):

Р а й о н	чиньянд- жа — род- ной язык	чиньянд- жа — язык общения	не знают чиньянджа	% знающих чиньянджа
Южная провинция Ньясаленда	304,3	588,4	167,2	84,2
Центральная провинция Ньясаленда	834,9	51,1	3,7	95,8
Северная провинция Ньясаленда	24,3	21,9	256,7	15,2
Острова и восточное побережье о. Ньяса	19,8	9,5	—	100,0
Восточная провинция Северной Родезии	115,2	59,7	64,7	73,0
Всего	1298,5	730,6	492,3	79,7

Обращает на себя внимание тот факт, что Аткинс не причисляет тумбука и ангони Момбера, населяющих Северную провинцию Ньясаленда, к числу знающих чиньянджа. Верно, конечно, что они не говорят на чиньянджа, но ведь их собственный язык — читумбука и без того понятен говорящим на чиньянджа. Так что группу знающих и понимающих чиньянджа в Ньясаленде можно было бы расширить до 87—90% населения ¹¹. Так или иначе, несомненно одно — язык чиньянджа фактически стал общим для всех африканцев Ньясаленда. Его знает подавляющее большинство населения, включая всех малави, ангони, многих яо, а также — в меньшей степени — ломве.

Усиленная взаимная ассимиляция на единой языковой базе в Ньясаленде отмечена несколькими учеными. Английский историк Сибил Ламб пишет, например: «Несмотря на различие в языках, все в известной степени знакомы с чиньянджа; племенные различия стираются, образуется понятие «ньясалендец» ¹².

Отправляющиеся на работу в Южно-Африканский Союз, в Северную и Южную Родезию отходники ачева, ангони, тумбука, ньянджа и яо вдали от родины держатся вместе, живут в одних бараках на шахтах и плантациях, их объединяет знание общего языка. «Парни с Ньяса» — Nyasa boys, как их называют повсюду, выделяются своими способностями и веселым независимым нравом, они принимают самое активное участие в рабочем движении.

Африканцы различных племен Ньясаленда очень свободно перемешиваются друг с другом. Создалась многочисленная прослойка людей смешанного происхождения, которым иногда трудно определить свою племенную принадлежность. В отчете о результатах переписи 1945 г. говорилось по этому поводу следующее: «Исследователя, изучающего расселе-

¹⁰ См. G. A. Atkins, The Nyanja-Speaking Population of Nyasaland and Northern Rhodesia, «African Studies», March 1950.

¹¹ Аткинс не учитывает значительного числа чикунда и нсенга, живущих в Северной Родезии вне Восточной провинции, а также огромную массу ньянджа, ньяса, ачева, чикунда, нюнгве, сена, подзо в португальском Мозамбике — все они говорят на чиньянджа или близких диалектах. В общем и целом в Центральной Африке знают и понимают чиньянджа, возможно, 3—4 млн. человек.

¹² S. L u m b, Central and Southern Africa: A Short History, Cambridge, 1954, стр. 8

ние племен в Ньясаленде, ставит в затруднительное положение тенденция к смешанным бракам. Это особенно типично для района нагорья Шире, где ньянджа, яо, ангоны, ломве, чикунда живут бок о бок в одних деревнях. Патрилинейные и матрилинейные племена в этом районе смешиваются так, как, пожалуй, нигде в Восточно-Центральной Африке...»¹³.

При наличии общего языка чиньянджа и общих политико-экономических условий в Ньясаленде создались предпосылки для образования единой нации. О наличии этой тенденции свидетельствует, например, известный специалист по африканским вопросам Олдхэм; в недавно вышедшей книге «Новая надежда в Африке» он пишет: «Уже замечен в Ньясаленде рост ньясалендского патриотизма, преодолевающего племенные различия»¹⁴.

4

Четвертый центр консолидации коренного населения центральноафриканских колоний Англии расположен на юге Северной Родезии. Имеется в виду группа ила-тонга, наименее сплоченная из всех существующих в Северной Родезии и Ньясаленде этнических общностей. Если первые три центра консолидации сложились в доколониальный период, причем лози и ньянджа еще в прошлом веке определились как народности, то выделение племени тонга в качестве ядра группы относится ко второй четверти нашего века.

Мелкие племена группы ила-тонга очень близки по языку и материальной культуре. Однако эта сравнительно однородная группа до начала XX в. не имела единого организующего центра; ила-тонга жили отдельными независимыми деревенскими общинами, разбросанными на обширном плато Батока от Замбези до р. Кафуэ, ни у одного племени не было верховной власти.

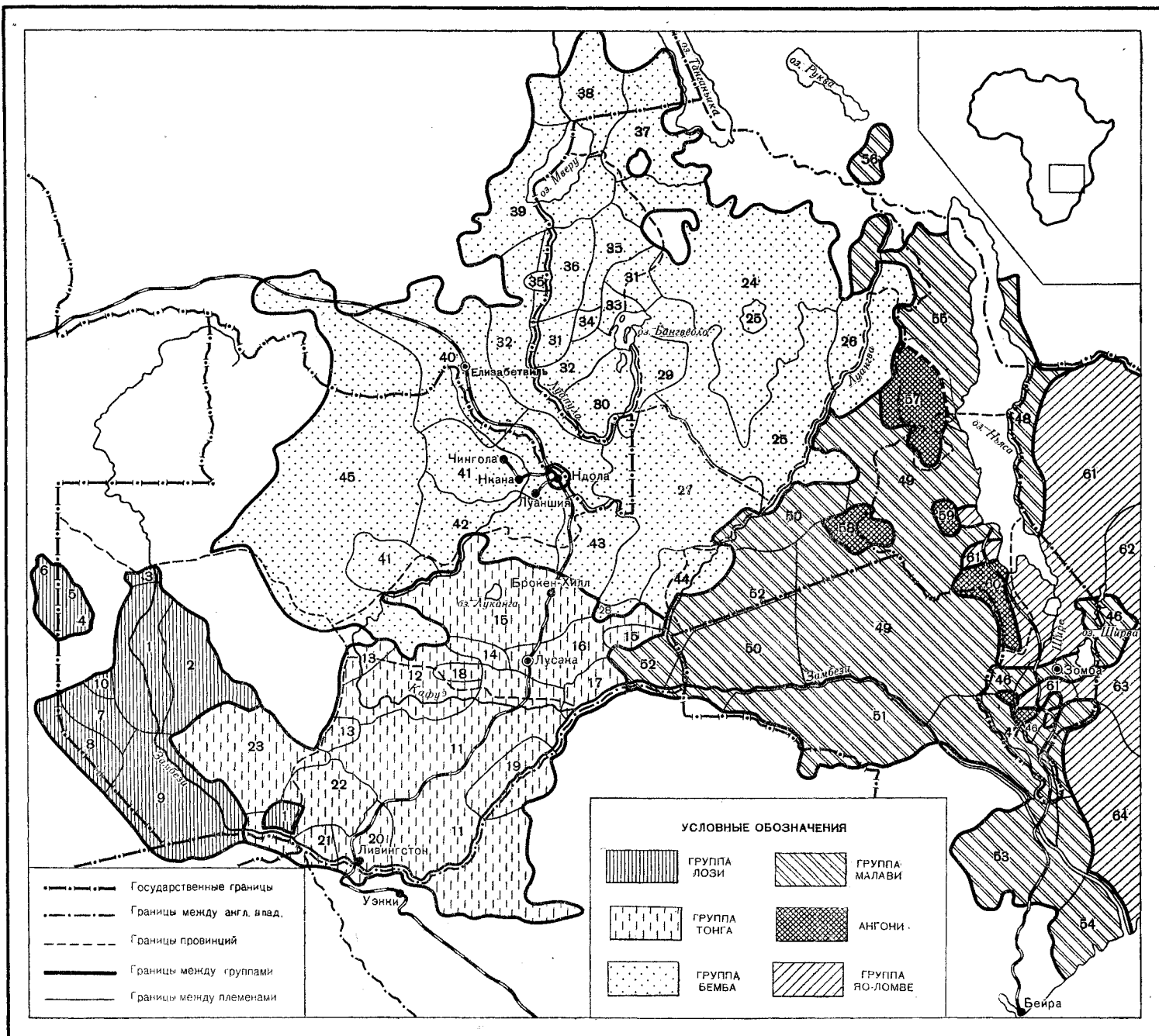
Своеобразие исторического развития ила-тонга вероятнее всего обуславливалось тем, что на протяжении веков по их землям пролегали пути переселения народов. Ила-тонга подвергались систематическим разорительным набегам со стороны машона, ангоны, матабеле, лози, макололо, а затем и арабских работорговцев. Племена дробились на мелкие общины, укрывавшиеся в лесах и горах в ожидании очередного налета. Накопление запасов зерна и разведение скота не имело смысла — все доставалось врагу. Во время набегов гибло множество людей, и в первую очередь погибали те, кто пытался оказать сопротивление, — сильные и влиятельные люди, способные возглавить племя. Возможно, в результате всего этого общественно-экономическое развитие ила-тонга задерживалось на последнем этапе первобытно-общинного строя.

В особых условиях оказались ила-тонга и с установлением колониального режима. В связи с тем, что плато Батока, поднятое на тысячу метров над уровнем океана, является наиболее благоприятным по климату районом страны, именно здесь в основном селились европейцы, здесь в начале XX в. была проложена железная дорога, здесь выросли крупные города. Вполне естественно поэтому, что тонга испытали европейское влияние в большей степени, чем другие племена этой группы. Они подверглись наибольшей земельной экспроприации. Основная часть земель европейских ферм выкроена из фонда, принадлежавшего тонга. Земельная экспроприация лишила их возможности обновлять участки в соответствии с правилами переложной системы земледелия; тонга начали усваивать новые методы обработки почв.

Пользуясь возросшим спросом на продовольствие в колонии, особенно после открытия меднорудных залежей, предприимчивые общинники

¹³ Цит. по Hailey, Указ. соч., стр. 25.

¹⁴ J. Oldham. The New Hope in Africa, London, 1955, стр. 43.

Центры этнической консолидации коренного населения Северной Родезии и Ньясаленда

Группа лози: 1 — лози, 2 — кванга, 3 — мбове, 4 — ндундулу, 5 — ньенго, 6 — макома, 7 — симаа, 8 — маши, 9 — шаньо, 10 — луйи. **Группа тонга:** 11 — тонга, 12 — ила, 13 — лумбу, 14 — сала, 15 — леньже, 16 — соли, 17 — гова, 18 — тва, 19 — ве, 20 — лея, 21 — субия, 22 — тока, 23 — тотела. **Группа бемба:** 24 — бемба, 25 — биса, 26 — сенга, 27 — лала, 28 — луано, 29 — унга, 30 — кавенди, 31 — мукулу, 32 — уши, 33 — нгумбу, 34 — тва, 35 — чишинга, 36 — луунда, 37 — табва, 38 — бвиле, 39 — шила, 40 — сева, 41 — ламба, 42 — лима, 43 — свака, 44 — амбо, 45 — каонде. **Группа малави:** 46 — ньяджа, 47 — манганджа, 48 — ньяса, 49 — ачева, 50 — чикунда, 51 — нюнгве, 52 — исенга, 53 — сена, 54 — подзо, 55 — тумбука, 56 — ньика. **Ангони:** 57 — ангони Момбера, 58 — ангони Мпезени, 59 — ангони Чивере, 60 — ангони Гомани. **Группа яо-ломве:** 61 — яо, 62 — макуа, 63 — ломве, 64 — чуабо

тонга вскоре стали производить на рынок кукурузу, земляные орехи, а также табак, продавать молоко, откармливать на продажу телят, коз, свиней, разводить домашнюю птицу и сбывать яйца. Зажиточные крестьяне стали обзаводиться плугами, тягловым скотом.

У тонга появились скупщики сельскохозяйственной продукции и рыбы, сельские лавочники, содержатели закусовых. Разбогатевшие общинники очень скоро усвоили капиталистические методы: они сдают в аренду свой сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот, нанимают батраков, пускают в оборот накопленные деньги.

По степени развития товарного хозяйства тонга опередили другие племена своей группы, да и все прочие племена Северной Родезии. Они, например, поставляют на рынок колонии основную часть кукурузы — главного продукта африканского сельского хозяйства. Источники указывают, что почти вся товарная кукуруза, продаваемая африканцами Северной Родезии, производится в пределах прижелезнодорожного пояса; вне этого пояса в 1948 г., например, закуплено было всего 11 тыс. мешков кукурузы из 296 тыс. мешков, приобретенных у африканцев¹⁵. Отсюда ясно, что наиболее активное участие в товарном производстве принимают тонга, живущие в этих районах.

О высокой степени развития товарно-денежных отношений у тонга свидетельствует Филис Дин, подсчитавшая, что в настоящее время домашнее имущество средней семьи тонга по способу приобретения делится следующим образом¹⁶:

Способ приобретения	часть
куплено на деньги	70%
изготовлено дома	13%
выменено	8%
получено даром	9%
Всего	100%

Показателем имущественного расслоения у тонга могут служить нижеприведенные данные, относящиеся к 1945 г. Из общего количества проданной крестьянами кукурузы 70% приходится на долю 14,7% хозяйств, в то время как 31,8% хозяйств совсем не продают кукурузы. Денежный доход 85,3% крестьянских хозяйств в 1945 г. равнялся в среднем 5 ф. 2 шилл. 10 п. на семью, а средний доход 0,4% хозяйств достигал 377 ф. 13 шилл. 7 п.¹⁷

Тонга, наиболее крупный народ в группе родственных племен, обладает самой развитой экономикой. Это не могло не придать ему особой значимости. Если же учесть еще, что администрация Северной Родезии признала читонга одним из языков делопроизводства, обучения и прессы, станет бесспорным тот факт, что тонга превратились в центр этнического притяжения. Под нивелирующим воздействием европейского влияния стираются различия в элементах материальной культуры племен, происходит взаимное обогащение в области духовной культуры, вытесняются племенные диалекты.

В состав группы тонга входят:

¹⁵ «An Economic Survey of the Colonial Territories: 1951», vol. 1, London, 1952, стр. 16.

¹⁶ Ph. Deane, Colonial Social Accounting, Cambridge, 1953, стр. 197.

¹⁷ См. W. Allan, M. Gluckman, D. Peters, Land Holding and Land Usage among the Plateau Tonga, Livingstone, 1948, стр. 84, 86; «Human Problems in British Central Africa», VIII, стр. 54.

Племена	Численность в 1934 г.	Племена	Численность в 1934 г.
тонга	82586	тока	9458
леньже	40481	гова	7015
ве	19799	сала	6961
ила	18653	лея	5903
тотела	14460	субия	?
соли	13028	лумбу	?

Общая численность группы в 1934 г. в Северной Родезии равнялась примерно 230 тыс.; сейчас в ней около 300 тыс. человек. Часть тонга, ве и других племен группы живет в Южной Родезии.

* * *

Что же содействует и что препятствует национальному развитию африканского населения Северной Родезии и Ньясаленда?

Создание товарного хозяйства, расширение торговли, привлечение масс разоряющегося крестьянства на капиталистические предприятия и фермы европейцев, несомненно, способствуют этнической консолидации.

Способствуют консолидации также распространение знаний, которые расширяют кругозор африканцев; усилившийся в результате общения культурный обмен, который ломает межплеменные перегородки; новые прогрессивные идеи, которые вытесняют пережитки родового уклада, рушат старые устои и обычаи. В результате множество мелких изолированных этнических групп сливается в единое целое.

Исторические судьбы народов Северной Родезии и Ньясаленда сплетены воедино — все они в одинаковой степени испытывают колониальный гнет английского империализма. Совместная политическая борьба за освобождение является мощным стимулом консолидации родственных народов Центральной Африки.

Колониальный режим во всех его проявлениях является главным препятствием для национального развития: господство монополий и земельное ограбление сковывают развитие производительных сил, ведут к обнищанию населения колоний; создание резерватов и другие методы консервации племенного деления затрудняют преодоление пережитков и изолируют народы друг от друга; закрепление власти родовой знати приостанавливает развитие органов самоуправления, а следовательно, и политической активности на местах; расовая дискриминация мешает материальному и духовному прогрессу коренного населения.

Процесс этнической консолидации имеет в каждом отдельном случае свои особенности, складывающиеся в зависимости от конкретной исторической обстановки, но они не исключают общих черт этого процесса. Так, в каждом из разобранных случаев на роль консолидирующего центра выдвигается одно племя, одна народность; во всех случаях главным показателем ассимиляции является распространение языка ведущего племени или народности. Как правило, на роль ассимилирующего компонента формирующейся общности выдвигается народ, в большей или меньшей степени превосходящий соседей по уровню социально-экономического развития. Очень большое, хотя и не определяющее значение, имеет относительная численность консолидирующихся племен и народностей.